

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5

Введение

Екатерина Капустина, Елена Борисова.

Обзор теоретической дискуссии о концепции
транснационализма 14

Сергей Абашин. Постсоветская трудовая миграция
из стран Средней Азии в Россию 30

Жить «в двух мирах»

Мадлен Ривс. Жизнь в миграции: погоня
за «честно заработанными деньгами»
в эпоху социального неравенства 44

Ольга Бредникова. «Живу, постоянно оглядываясь»:
doing everyday transnationalism 71

Транснациональная семья

Медина Айтиева. Денежные переводы:
нереалистичные ожидания и конфликтующие
обязанности по отношению к семье 106

Елена Борисова. Детская мобильность
и транснациональное воображение (на примере
транснациональных семей из северного Таджикистана) 147

Транснациональные идентичности

Эмиль Насритдинов, Руслан Рахимов.

Транснациональная идентичность кыргызских
трудовых мигрантов в России 202

Александра Алексеева. «Поеду домой, но останусь
в России»: жизненные планы памирцев-мигрантов . . 233

Вещь в транснациональном контексте

Сергей Абашин. Мигрантский автомобиль:
инвестиция, статус, престиж 264

Вера Пешкова. «Подарки», «сувениры» и «дары»:
движение вещей и транснациональная миграция
из Средней Азии в Россию 301

Транснациональная/транслокальная инфраструктура

Екатерина Деминцева, Даниил Кашицкий. Лечиться
у «своих», лечить «своих». Роль «киргизских клиник»
в жизни среднеазиатских мигрантов в Москве 338

Екатерина Капустина. «Самый Северный Кавказ»:
особенности организации транслокальной жизни
мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь 374

Транснационализм и новые коммуникативные технологии

Рустамжон Уринбоев. Создание «узбекского махалля»
посредством смартфонов и социальных медиа:
повседневная транснациональная жизнь
узбекских мигрантов в России 442

София Касьмова. Трансграничная коммуникация
или мобильная связь в повседневной жизни
семей таджикских трудовых мигрантов 482

Сведения об авторах 516

ОТ РЕДАКТОРОВ

Замысел сборника, как это часто бывает, вырос из общего исследовательского проекта, проводившегося на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2015–2017 годах. Проект назывался «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» и проходил под руководством С. Н. Абашина¹. В фокусе исследования — мигранты из стран Средней Азии (Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана), прибывшие в Россию с целью заработков.

Нам представляется, что проект в определенном смысле был уникальным, и уникален он прежде всего своей теоретической рамкой — концепцией транснационализма. Транснационализм — уже далеко не новая концепция, ее появление принято связывать с коллективной публикацией Нины Глик Шиллер, Линды Баш и Кристины Бланк-Зантон, вышедшей в начале 1990-х годов². Несмотря на тот факт, что концепция вызвала столь значительный отклик во всех миграционных исследованиях, что речь шла даже о так называемом транснациональном повороте, в российском дебате она почти никак не прозвучала. В рамках нашего проекта концепция была фактически впервые глубоко проработана на материалах исследования российских и среднеазиатских реалий.

Вообще, следует заметить, что понятие транснационализма довольно многозначное. Прежде всего им обозначают

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (<https://doi.org/10.13039/501100006769>) [грант № 14-18-02149 и 14-18-02149-П] в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

² *Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.). Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.*

теоретический подход в миграционных исследованиях, предлагающий рассматривать миграцию не как одностороннее движение с пунктом конечного назначения, но как процесс, который не заканчивается. Даже переехав, люди продолжают жить одновременно в двух и более местах, поддерживая экономические, социальные, символические, политические, культурные и прочие связи с теми местами, из которых они уехали. Они расширяют свое жизненное пространство поверх государственных границ и выстраивают свои жизненные стратегии, ориентируясь и на место исхода, и на новое место жительства. Кроме того, под транснационализмом зачастую понимают сам феномен расширения социального пространства.

Исследование собрало команду специалистов, давно и глубоко занимающихся миграционной тематикой. Эти исследователи представляют разные российские институции Санкт-Петербурга и Москвы, а также научные и экспертные сообщества стран Средней Азии. Они являются представителями разных дисциплин — этнографии, антропологии и социологии, что сделало наш проект еще и трансдисциплинарным. Включение в команду представителей российского академического пространства и исследователей из Средней Азии, их совместная работа, на наш взгляд, не только помогает преодолеть своего рода академический колониализм, но и включает транснациональную перспективу анализа. Двухсторонний взгляд на один и тот же феномен, связывающий две и более страны, совместные дискуссии и фактически двойная работа по интерпретации материала позволили глубже понять его, преодолеть субъективность и предвзятость.

Выбор теоретической рамки предопределил и выбор оригинальной для миграционного исследования методологии. Так, признание того факта, что миграция — это процесс, который имеет глубокие двусторонние эффекты как в принимающем, так и в отправляющем сообществе, обусловил и двусторонний характер исследования. Логика работы была

следующая. В странах исходной миграции (Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане) местные исследователи вели рекрутинг среди семей, в которых родственники уехали на заработки в Россию. Поскольку в России были два основных кейса — Москва и Санкт-Петербург, для исследования выбирались семьи, чьи представители уехали именно в эти российские мегаполисы. При этом в фокусе исследования были как сами мигранты, так и члены их семей, оставшиеся дома. Как правило, это были либо супруги (абсолютное большинство — жены), либо родители мигранта. В России с мигрантами работали российские исследователи, с членами их семей — исследователи из соответствующих стран Средней Азии. При этом логика проекта была такова, что исследователи имели возможность сами приезжать в место исхода или место миграции и дополнительно разговаривать с информантами. Всего в фокусе внимания оказалось на начальном этапе 45, а потом 30 двусторонних кейсов, поровну разделенных между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. В качестве основного метода сбора информации были выбраны интервью, однако, безусловно, этим методом никто не ограничивался. Параллельно с интервью велись неформальные беседы с другими родственниками или мигрантами, оказавшимися поблизости и входящими в ближний круг. Собирались этнографические данные, говорящие об организации повседневности или о миграции вещей, велись наблюдения за взаимодействиями, сопровождающими жизнь информантов и прочее.

Исследование транснационализма предполагает не только «двухполюсную» фокусировку, когда исследование проводится в стране исхода и в принимающей стране. Не менее важным оказывается исследование «связок», а именно тех отношений, сетей и практик, которые связывают страны и людей. Поэтому в нашем исследовании было значительно расширено объектное поле, и исследовалось движение не только людей,

но и вещей, денег, информации, идей, представлений, моды и прочего. Кроме того, в фокусе оказалась инфраструктура, обеспечивающая это движение.

Продолжительность проекта позволила проводить исследование в логике лонгитюда. Нам удалось проследить за изменениями в жизни мигрантов и их семей в течение нескольких лет. Такой подход дал поистине богатый материал, ибо изменений происходит действительно много. Утверждение, что мигранты очень мобильны, звучит как тавтология, но по сути оно истинно. Исследователи, как правило, встречались с информантами раз в полгода, и за этот период жизнь информантов могла поменяться кардинально несколько раз — мигранты легко меняли место работы и жительства, привозили и увозили своих родных вместе с собой, меняли сексуальных партнеров, уезжали «навсегда» домой и возвращались обратно и так далее. Все трансформации были вызваны, с одной стороны, подвижными структурными условиями, изменениями в миграционном законодательстве или изменениями общей экономической ситуации в странах исхода или принимающей стране. С другой стороны, высокая мобильность в жизни мигрантов связана с их жизненными стратегиями, краткосрочностью планирования, «неукорененным» образом жизни и нормализованностью передвижения в принципе. Лонгитюдный характер исследования позволил зафиксировать и проанализировать такую подвижность.

В качестве развития теоретических оснований концепции транснационализма можно рассматривать специфику российского контекста. Быстрые и зачастую кардинальные трансформации экономических, социальных и политических условий, безусловно, значительно влияют на изменение исследуемого феномена. Так, экономический кризис и падение курса рубля, изменение миграционной политики, в частности массовые депортации мигрантов и запреты на въезд, введение новой патентной системы, рост бытовой ксенофобии значительно

перекраивают описываемый феномен буквально на наших глазах: сокращаются масштабы миграции, часть мигрантов опять уходят в теневую экономику и вынуждены нарушать правила пребывания в РФ в связи с высокой стоимостью патента. Нестабильность феномена в нестабильном обществе специфицирует его, что в итоге должно вызывать больший академический интерес. Адаптация мигрантов к новым условиям и массовое возвращение домой, которое мы наблюдали пару лет назад, на наш взгляд, могут способствовать развитию концепции транснационализма, наполнять ее новыми смыслами и открывать в ней новый интерпретационный потенциал.

Наконец, в сборнике получает критическое развитие еще одна важная категория для современных миграционных исследований — транслокальность. Эта категория не только позволяет рассматривать феномен «крупными мазками» — в (транс)национальных масштабах, но и помещает читателей в другой масштаб, в рамках которого анализируются связи и взаимозависимости двух и более локальностей, которые реализуют мигранты, практикуя сетевые перемещения (а этот феномен как раз демонстрируют наши кейсы).

На стадии написания статей команда расширилась. Мы пригласили принять участие в сборнике наших коллег и единомышленников, работающих в той же парадигме, в тех же теоретических и методологических рамках и с теми же объектами исследования. Мы полагаем, что участие этих авторов обогатило сборник новыми исследовательскими темами. Кроме того, объединение работ российских, среднеазиатских и западных исследователей под одной обложкой в некотором роде создает триангуляцию исследовательских перспектив. Такая триангуляция тоже, по сути, представляет собой транснационализм академического поля, что является, на наш взгляд, его отличительной особенностью.

Книга построена следующим образом. Концептуальное введение включает обзор теоретической дискуссии о концепции

транснационализма (Е. Капустина и Е. Борисова) и общий анализ постсоветской трудовой миграции из стран Средней Азии в Россию (С. Абашин). Эти тексты фактически закладывают основу более глубокого понимания исследований, представленных далее, в частности раскрывают их теоретические основания и общие контексты развития исследуемого феномена.

Первый раздел сборника называется «Жить „в двух мирах“». В нем представлены две достаточно разноплановые статьи М. Ривс и О. Бредниковой, тем не менее они объединены темой повседневного транснационализма, когда мигранты в рамках постоянно меняющихся структурных условий и враждебного окружения вынуждены играть своими идентичностями и постоянно изменяться сами, существуя в двойных рамках референций, реагируя на вызовы и принимающего, и отправляющего сообщества.

Две статьи следующего раздела посвящены транснациональным семьям. М. Айтиева в своей работе рассматривает финансовую политику семьи, оказавшейся в миграции, и описывает распространенную дилемму трудовых мигрантов — откладывать деньги «на будущее» или финансово поддерживать своих родственников, оставшихся на родине. Даже уехав в миграцию в полном составе, нуклеарная семья испытывает транснациональное влияние и вынуждена участвовать в поддержке родственников. Статья Е. Борисовой посвящена детям мигрантов. Даже не будучи мобильными, оставаясь дома, они оказываются вовлечены в транснациональные отношения. Посвоему воспринимая рассказы родителей об опыте миграции, дети транслируют вовне и тиражируют свои представления о России, нормализуя общий паттерн мобильности.

Третий раздел сборника посвящен транснациональным идентичностям. Статья Э. Насритдинова и Р. Рахимова посвящена особенностям формирования гражданской идентичности среди кыргызских мигрантов. По мнению авторов,

политическое участие и отношение государства к своим мигрантам оказывают разрушительное влияние на их гражданские идентичности, что в итоге изменяет общее значение дома для мигрантов. В работе А. Алексеевой представлен интересный анализ проектов будущего среди мигрантов — памирских таджиков. Вопросы прошлого и памяти изучены довольно подробно, в то время как тема будущего нова для миграционных исследований. Анализ проектов и планов на будущее позволяет лучше понять идентичности мигрантов и их позиционирование себя в отношении двух стран.

Следующий раздел представлен статьями С. Абашина и В. Пешковой. В фокусе их работ — миграции вещей. Акторно-сетевая теория Бруно Латура и его коллег позволила обнаружить субъектность вещей в современном обществе. Передвижение вещей (или идей о вещах) оказывается не менее важным фактом современного мира, нежели миграции людей. Такое передвижение демонстрирует тесную взаимосвязь мигрантов с домом и, более широко, — взаимосвязанность обществ, ибо вместе с вещами передвигаются образы жизни, паттерны поведения и прочие социальные образцы. При этом нельзя отрицать важность локальных контекстов, переопределяющих значение и статусы вещей, по сути преобразующих их.

Пятый раздел сборника посвящен транснациональной/транслокальной инфраструктуре. В статье Е. Деминцевой и Д. Кашницкого анализируется феномен так называемых киргизских клиник в Москве, чья работа ориентирована прежде всего на мигрантов. Сами клиники представляют собой транснациональные институты, которые возникли с учетом потребностей и запросов мигрантов. Исследование Е. Капустиной несколько выбивается из общей логики сборника. В нем меняется масштаб и речь идет о внутрироссийских миграциях (переезды из Дагестана «на Север» и обратно). При этом феномен транслокальности сопряжен с феноменом

транснационализма. В этом исследовании мы видим тесную связь двух и более локальностей и то, как люди действительно умудряются жить в нескольких местах одновременно и выстраивать непротиворечивые идентичности и системы лояльности. Особое внимание в статье уделяется транснациональным «связкам» — инфраструктуре, обеспечивающей тесную связь двух российских регионов и позволяющую людям жить «и там, и там».

И, наконец, последние две статьи, помещенные в разделе «Транснационализм и новые коммуникативные технологии», посвящены мобильной телефонии и другим технологиям, обеспечивающим связь между двумя обществами. Такие технологии фактически позволяют «схлопнуть» пространство и соединить мигрантов и их близких в родной стране. Так, по мнению Р. Уринбоева, мобильная телефония расширяет узбекский махалля до Москвы. И в московском сообществе мигрантов действуют те же правила и механизмы контроля, что и в узбекском кишлаке. Статья С. Касымовой посвящена телефонным переговорам между мигрантами из Таджикистана и членами их семей, оставшимися дома. Такие переговоры не только представляют собой простой обмен информацией, но и воспроизводят эффект «распределенной повседневности», становятся техниками преодоления расстояния и включения мигрантов в жизнь семьи.

И в заключение мы хотели бы отдельно поблагодарить всех наших информантов, с которыми мы работали продолжительное время, кто открылся и доверился, чьи судьбы стали близки нам. Эти люди, по сути, выступают соавторами всех текстов.